

Предисловие Николая Старикова

Герои 1937 года — жертвы или настоящие предатели?

Процесс параллельного антисоветского троцкистского центра — один из трех масштабных судебных процессов, которые состоялись в СССР в 1930-е годы. Изучение оригинала его стенограммы позволит сформировать собственное мнение о том, что же произошло в нашей стране в 1937–1938 годах. В 1937 году стенограмма этого процесса была издана большим тиражом, сегодня благодаря Хрущеву и Горбачеву она стала библиографической редкостью. Вариант, представленный в Интернете, «удивительным» образом стал слишком объемным — фальсификаторы истории «дописали» массу того, что в реальной стенограмме отсутствовало. Вот почему так важно опубликовать исходный вариант текста этого процесса.

В дополнение к стенограмме процесса в книге размещено несколько статей Троцкого. Все они относятся к периоду его жизни, когда он активно боролся против сталинского СССР. Прочтение этих статей дает любопытный эффект: все или почти все, что пишет Троцкий, вам уже знакомо. Почему? Да потому, что все «млечины» и «сванидзе» пишут и говорят ровно то, что писал и говорил Лев Давидович. Фактически вся риторика «демократической оппозиции» России в адрес Сталина списана... у Троцкого. «Гитлер и Красная Армия», «Сталин — интендант Гитлера» — такие заголовки вполне могут украшать страницы «независимой» прессы или обсуждаться в эфире совестливых радиостанций.

И это тоже нужно знать.

Сталинская политика в СССР так расшатала хозяйство, так расстроила взаимоотношения между пролетариатом и крестьянством, так ослабила партию, что для активной внешней политики отсутствуют сейчас необходимейшие предпосылки.

Силу этого довода мы учитываем. Мы знаем, что последствия ложной политики превращаются в объективные препятствия на пути. С этими препятствиями мы считаемся. Авантюр мы не проповедуем. Но мы делаем вывод: коренное изменение политики, партийного режима и партийного руководства необходимо также и для того, чтоб обеспечить действительную обороноспособность и свободу международной инициативы рабочего государства.

*А. Т. Принкино, 21 марта 1933 г.
Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев) № 34.*

Л. Троцкий. Сталин — интендант Гитлера

Двадцать лет пружина германского империализма оставалась свернутой. Когда она стала разворачиваться, дипломатические канцелярии растерялись. Вторым, после Мюнхена, этапом этой растерянности были долгие и бесплодные переговоры Лондона и Парижа с Москвой. Автор этих строк имеет право сослаться на непрерывный ряд собственных заявлений в мировой печати, начиная с 1933 г. на ту тему, что основной задачей внешней политики Сталина является достижение соглашения с Гитлером. Но наш скромный голос оставался неубедительным для «вершителей судеб». Сталин разыгрывал грубую комедию «борьбы за демократию», и этой комедии верили, по крайней мере, на половину. Почти до самых последних дней Август, официальный лондонский корреспондент Нью-Йорк Таймс, продолжал уверять, что соглашение с Москвой будет достигнуто. Как свирепо поучителен тот факт, что германо-советский договор ратифицирован сталинским парламентом как раз в тот день, когда Германия вторглась в пределы Польши!

Общие причины войны заложены в непримиримых противоречиях мирового империализма. Однако непосредственным толчком к открытию военных действий явилось заключение советско-гер-

манского пакта. В течение предшествовавших месяцев Геббельс, Форстер и другие германские политики настойчиво повторяли, что фюрер назначит скоро «день» для решительных действий. Сейчас совершенно очевидно, что речь шла о дне, когда Молотов поставит свою подпись под германо-советским пактом. Этого факта уже не вычеркнет из истории никакая сила!

Дело совсем не в том, что Кремль чувствует себя ближе к тоталитарным государствам, чем к демократическим. Не этим определяется выбор курса в международных делах. Консервативный парламентарий Чемберлен, при всем своем отвращении к советскому режиму, изо всех сил стремился добиться союза со Сталиным. Союз не осуществился, потому что Сталин боится Гитлера. И боится не случайно. Армия обезглавлена. Это не фраза, а трагический факт. Ворошилов есть фикция. Его авторитет искусственно создан тоталитарной агитацией. На головокружительной высоте он остался тем, чем был всегда: ограниченным провинциалом, без кругозора, без образования, без военных способностей и даже без способностей администратора. Все в стране это знают. В «очищенном» командном составе не осталось ни одного имени, на котором армия могла бы остановиться с доверием. Кремль боится армии и боится Гитлера. Сталину нужен мир — любой ценою.

Прежде чем гогенцолернская Германия пала под ударами мировой коалиции, она нанесла смертельный удар царскому режиму, причем западные союзники подталкивали русскую либеральную буржуазию и даже поддерживали планы дворцового переворота. Не повторится ли в преобразованном виде этот исторический эпизод? — спрашивали себя с тревогой обитатели Кремля. Они не сомневаются, что коалиция из Франции, Великобритании, Советского Союза, Польши, Румынии, при несомненной в дальнейшем поддержке Соединенных Штатов, в конце концов сломила бы Германию и ее союзников. Но прежде чем свалиться в пропасть, Гитлер мог бы нанести СССР такое поражение, которое кремлевской олигархии стоило бы головы. Если б советская олигархия была способна к самопожертвованию или хотя бы самоограничению в военных интересах СССР, она не обезглавила бы и не деморализовала бы армию.

Всякого рода просоветские простаки считают само собою разумеющимся, что Кремль стремится к низвержению Гитлера. Низ-

вержение Гитлера невысказано без революции. Победа революции в Германии подняла бы на огромную высоту самочувствие народных масс в СССР и сделала бы невозможным дальнейшее существование московской тирании. Кремль предпочитает статус кво, со включением Гитлера в качестве союзника.

Застигнутые пактом врасплох профессиональные адвокаты Кремля пытаются теперь доказать, что наши старые прогнозы имели в виду наступательный военный союз между Москвою и Берлином, тогда как на деле заключено лишь пацифистское соглашение о «взаимном ненападении». Жалкие софизмы! О наступательном военном союзе, в прямом смысле этого слова, мы никогда не говорили. Наоборот, мы всегда исходили из того, что международная политика Кремля определяется интересами самосохранения новой аристократии, ее страхом перед народом, ее неспособностью вести войну. Любая международная комбинация имеет для советской бюрократии цену постольку, поскольку освобождает ее от необходимости прибегать к силе вооруженных рабочих и крестьян. И тем не менее германо-советский пакт является в полном смысле слова военным союзом, ибо служит целям наступательной империалистской войны.

В прошлой войне Германия потерпела поражение прежде всего вследствие недостатка сырья и продовольствия. В этой войне Гитлер уверенно рассчитывает на сырье СССР. Заключению политического пакта не случайно предшествовало заключение торгового договора. Москва далека от мысли денонсировать его. Наоборот, в своей вчерашней речи перед Верховным Советом Молотов сослался прежде всего на исключительные экономические выгоды дружбы с Гитлером. Соглашение о взаимном ненападении, то есть о пассивном отношении СССР к германской агрессии, дополняется, таким образом, договором об экономическом сотрудничестве в интересах агрессии. Пакт обеспечивает Гитлеру возможность пользоваться советским сырьем, подобно тому как Италия в своем нападении на Абиссинию пользовалась советской нефтью. Военные эксперты Англии и Франции только на днях изучали в Москве карту Балтийского моря с точки зрения военных операций между СССР и Германией. А в это самое время германские и советские эксперты обсуждали меры обеспечения балтийских морских путей для непрерывных торговых сношений во время войны. Оккупация Польши должна в дальнейшем обеспечить непосредственную территориальную

связь с Советским Союзом и дальнейшее развитие экономических отношений. Такова суть пакта. В «Майн Камф» Гитлер говорит, что союз между двумя государствами, не имеющий своей целью вести войну, «бессмыслен и бесплоден». Германо-советский пакт не бессмыслен и не бесплоден: это военный союз со строгим разделением ролей: Гитлер ведет военные операции, Сталин выступает в качестве интенданта. И есть еще люди, которые всерьез утверждают, что целью нынешнего Кремля является международная революция!

При Чичерине, как министре иностранных дел ленинского правительства, советская внешняя политика действительно имела своей задачей международное торжество социализма, стремясь попутно использовать противоречия между великими державами в целях безопасности советской республики. При Литвинове программа мировой революции уступила место заботе о статус кво при помощи системы «коллективной безопасности». Но когда эта идея «коллективной безопасности» приблизилась к своему частичному осуществлению, Кремль испугался тех военных обязательств, которые из нее вытекают. Литвинова сменил Молотов, который не связан ничем, кроме обнаженных интересов правящей касты. Политика Чичерина, то есть по существу политика Ленина, давно уже объявлена политикой романтизма. Политика Литвинова считалась некоторое время политикой реализма. Политика Сталина-Молотова есть политика обнаженного цинизма.

«На едином фронте миролюбивых государств, действительно противостоящих агрессии, Советскому Союзу не может не принадлежать место в передовых рядах», говорил Молотов в Верховном Совете, три месяца тому назад. Какой зловещей иронией звучат теперь эти слова! Советский Союз занял свое место в заднем ряду тех государств, которые он до последних дней не уставал клеймить в качестве агрессоров.

Непосредственные выгоды, которые Кремлевское правительство получает от союза с Гитлером, имеют вполне осязательный характер. СССР остается в стороне от войны. Гитлер снимает в порядке дня кампанию в пользу «Великой Украины». Япония оказывается изолированной. Одновременно с отсрочкой военной опасности на Западной границе, можно, следовательно, ждать ослабления давления на Восточную границу, может быть даже заключения соглашения с Японией. Весьма вероятно к тому же, что в обмен за Польшу Гитлер

предоставил Москве свободу действий в отношении балтийских лимитрофов. Как ни велики, однако, эти «выгоды», они имеют в лучшем случае конъюнктурный характер, и их единственной гарантией является подпись Риббентропа под «клочком бумаги». Между тем война поставила в порядке дня вопросы жизни и смерти народов, государств, режимов, правящих классов. Германия разрешает свою программу мирового господства по этапам. При помощи Англии она вооружилась, несмотря на сопротивление Франции. При помощи Польши она изолировала Чехо-Словакию. При помощи Советского Союза она хочет не только закабалить Польшу, но и разгромить старые колониальные империи. Если б Германии удалось, при помощи Кремля, выйти из нынешней войны победительницей, это означало бы смертельную опасность для Советского Союза. Напомним, что вскоре после мюнхенского соглашения секретарь Коминтерна Димитров огласил — несомненно, по поручению Сталина — точный календарь будущих завоевательных операций Гитлера. Оккупация Польши приходится в этом плане на осень 1939 г. Дальше следует: Югославия, Румыния, Болгария, Франция, Бельгия... Наконец, осенью 1941 г. Германия должна открыть наступление против Советского Союза. В основу этого разоблачения положены несомненно данные, добытые советской разведкой. Схему никак нельзя, разумеется, понимать буквально: ход событий вносит изменения во все плановые расчеты. Однако первое звено плана, оккупация Польши осенью 1939 г., подтверждается в эти дни. Весьма вероятно, что и намеченный в плане двухлетний промежуток между разгромом Польши и походом против Советского Союза окажется весьма близким к действительности. В Кремле не могут не понимать этого. Недаром там десятки раз провозглашали: «мир неразделен». Если тем не менее Сталин оказывается интендантом Гитлера, то это значит, что правящая каста уже не способна думать о завтрашнем дне. Ее формула есть формула всех гибнущих режимов: «после нас хоть потоп».

Пытаться сейчас предсказать ход войны и судьбу отдельных ее участников, в том числе и тех, которые еще питаются сегодня иллюзорной надеждой остаться в стороне от мировой катастрофы, было бы тщетной задачей. Никому не дано обозреть эту гигантскую арену и бесконечно сложную свалку материальных и моральных сил. Только сама война решает судьбу войны. Одно из величайших отличий нынешней войны от прошлой — это радио. Только сейчас я отдал

себе в этом полный отчет, слушая здесь, в Койоакане, в предместье мексиканской столицы, речи в берлинском рейхстаге и скупые пока еще сообщения Лондона и Парижа. Благодаря радио, народы сейчас в гораздо меньшей степени, чем в прошлую войну, будут зависеть от тоталитарной информации собственных правительств и гораздо скорее будут заражаться настроениями других стран. В этой области Кремль уже успел потерпеть большое поражение. Коминтерн, важнейшее орудие Кремля для воздействия на общественное мнение других стран, явился на самом деле первой жертвой германо-советского пакта. Судьба Польши еще не решена. Но Коминтерн уже труп. Его покидают, с одного конца, патриоты, с другого конца, интернационалисты. Завтра мы услышим, несомненно, по радио голоса вчерашних коммунистических вождей, которые, в интересах своих правительств, будут на всех языках цивилизованного мира, и в том числе на русском языке, разоблачать измену Кремля.

Распад Коминтерна нанесет неисцелимый удар авторитету правящей касты в сознании народных масс самого Советского Союза. Так, политика цинизма, которая должна была, по замыслу, укрепить позиции сталинской олигархии, на самом деле приблизит час ее крушения.

Война сметет многое и многих. Хитростями, уловками, подлогами, изменами никому не удастся уклониться от ее грозного суда. Однако наша статья была бы в корне ложно понята, если бы она натолкнула на тот вывод, будто в Советском Союзе сметено будет все то новое, что внесла в жизнь человечества Октябрьская революция. Автор глубоко убежден в противном. Новые формы хозяйства, освободившись от невыносимых оков бюрократии, не только выдержат огненное испытание, но и послужат основой новой культуры, которая, будем надеяться, навсегда покончит с войной.

А. Троцкий. Койоакан, 2 сентября 2 ч.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев) № 79–80.